

Янь Чуаньюнь уже видел, на что способен этот Большой узорчатый питон, когда нападает с намерением сожрать человека живьём. И пусть сейчас эти «питомцы» вели себя тише воды, ниже травы, молодой человек не сомневался: не будь рядом Сы Уцзюэ, они бы мигом показали свои клыки и когти.

Оставить всего двоих телохранителей наедине с дикими хищниками и велеть везти их в Столицу было чистой воды самоубийством. В самом буквальном смысле, без преувеличений.

Поняв опасения попутчика, Сы Уцзюэ лишь пренебрежительно фыркнул. Он неторопливо подошёл к Большому узорчатому питону.

— Голову ниже, — велел он. — Получишь пару иголок.

Большой узорчатый питон посмотрел на хозяина с немым упреком, но тот остался непреклонен. Несколько точных, едва заметных движений тонкими иглами — и питон бессильно повалился на землю.

Следом настал черёд черных медведей, а за ними — леопарда.

Наблюдавшие за этим охранники застыли с разинутыми ртами. Они и представить не могли, что свирепых хищников можно усмирить простыми иголками. Это ведь не комнатные собачки, а кровожадные твари, способные разорвать человека в клочья!

У Янь Чуаньюня перехватило дыхание. Только сейчас он в полной мере осознал, насколько смертоносен Призрачный доктор.

Звери повалились на траву, но не потеряли сознание — они просто не могли пошевелить ни единым мускулом. Сы Уцзюэ повернулся к ошеломлённым мужчинам:

— Кормите как обычно. Главное — не вытаскивайте иглы, тогда они никого не тронут.

Один из телохранителей с трудом выдавил:

— А чем... чем их кормить?

— Подойдёт любое мясо. Хоть свежее, хоть падаль.

«Свежее мясо...» — у обоих мужчин по спине пробежал мороз.

Если вдуматься, люди для этих тварей — такое же «свежее мясо». И теперь им предстоит везти этих чудовищ в Столицу. Кажется, спокойной жизни обитателям мегаполиса больше не видать.

Янь Чуаньюнь перевёл взгляд на подчинённых и сухо скомандовал:

— Выполняйте.

Телохранителям оставалось лишь вытянуться в струнку и подчиниться.

Столица

Для семьи Янь эта ночь выдалась бессонной. У Янь Ханя начались жестокие спазмы, боль была настолько невыносимой, что он потерял сознание. Его экстренно госпитализировали в Первый военный госпиталь Столицы.

В больницу поехали все: Янь Тинцзюнь с супругой, Цзян Силян и четырнадцатилетний Янь Хуйфэн.

Пока они ждали в холодном больничном коридоре, Фан Мэйюнь с тревогой всматривалась в осунувшееся, бледное лицо мужа.

— Мы и сами справимся, — тихо произнесла она. — Тебе нельзя засиживаться допоздна, врачи строго запретили переутомляться.

Янь Тинцзюнь даже не повернул головы, словно не расслышал её слов.

Цзян Силян поддержала её мягким, вкрадчивым голосом:

— Старший брат, невестка права. Мы побудем здесь, а тебе нужно поберечь здоровье.

С собственной женой он мог позволить себе не церемониться, но проигнорировать слова невестки не позволяли правила приличия. Он качнул головой и сухо ответил:

— Ещё не поздно. Подожду, пока выйдет врач.

— Янь Хань сегодня точно не сможет вернуться домой, — вздохнула Цзян Силян. — Давайте я оформлю ещё пару палат, чтобы вы с невесткой могли прилечь и отдохнуть. Зачем мотаться туда-сюда среди ночи?

Фан Мэйюнь благодарно кивнула:

— Как хорошо, что ты подумала об этом, Цзян Силян. Пожалуйста, займись этим.

— Ну что ты, невестка, не стоит благодарности. Это меньшее, что я могу сделать.

Цзян Силян торопливо пошла по коридору. Четырнадцатилетний Янь Хуйфэн хмуро провожал взглядом закрытые двери операционной.

Примерно через час двери распахнулись, и уставший хирург сообщил новости о состоянии Янь Ханя. Травма ног усугубилась. Доктор искренне удивлялся, как молодой человек ухитрялся терпеть такие муки каждый день, наотрез отказываясь от сильных обезболивающих. Однако воли одного человека было мало: спасти его ноги становилось почти невыполнимой задачей. Очень скоро их придётся ампутировать.

Пациента перевели в палату интенсивной терапии. Под действием капельниц Янь Хань наконец погрузился в глубокий, спокойный сон без боли.

Фан Мэйюнь осторожно взяла мужа под руку и тоном, не терпящим возражений, произнесла:

— А теперь иди спать.

На этот раз Янь Тинцзюнь спорить не стал. Молча кивнув, он позволил увести себя в соседнюю палату.

Но отдохнуть ему так и не удалось. Стоило Янь Тинцзюню присесть на кровать, как тишину палаты разорвал резкий звонок мобильного телефона жены. Фан Мэйюнь торопливо ответила на вызов, и с каждым словом её лицо становилось всё более мертвенно-бледным.

Муж мгновенно перевёл на неё тяжёлый, встревоженный взгляд.

Опустив трубку, Фан Мэйюнь попыталась выдавить улыбку:

— Ничего страшного. У Мими начался приступ астмы. Домашний управляющий и охрана уже везут её сюда, в госпиталь. Я пойду встречу их.

Янь Тинцзюнь прикрыл глаза на мгновение, борясь с накатившей усталостью.

— Я с тобой.

Жена спорить не решилась, лишь тихо попросила:

— Если с девочкой всё будет в порядке, ты сразу вернёшься, примешь лекарство и ляжешь

спать. Хорошо?

Он молча согласился.

Вскоре к приёмному покою подъехала машина. Родители встретили задыхающуюся Янь Ми и проводили каталку до реанимации. И снова потянулись мучительные минуты ожидания.

Спустя час врач наконец успокоил их: состояние Янь Ми стабилизировалось, угроза миновала, сейчас девочка спит. С плеч Фан Мэйюнь словно свалился огромный груз. Она поспешно обернулась к мужу:

— Ну всё, возвращайся к себе. Тебе жизненно необходим отдых.

Янь Тинцзюнь не стал упрямыться. Он прекрасно понимал: в нынешнем шатком положении их семьи он — главный столп. Если он сломается сейчас, вся семья полетит в пропасть.

На следующее утро ровно в восемь в госпитале появились старейшина Янь и его супруга. За ними следовала прислуга с охраной; в руках у пожилой женщины был объёмистый термос с горячим завтраком для всего семейства.

Янь Хань пришёл в себя ещё в четыре утра. К шести часам наркоз отошёл, и боль вернулась с новой силой, однако молодой человек наотрез отказался от повторной инъекции. Родители не стали на него давить, а дежурный врач смотрел на негибаемого офицера со смесью жалости и искреннего восхищения.

В семь проснулась Янь Ми. После того как приступ прошёл, она выглядела совершенно здоровой и теперь сидела на краю постели старшего брата, тихонько с ним разговаривая.

Навестив сына, супруги Янь ушли в соседний кабинет — главе семейства сегодня предстояло пройти полное обследование.

Подросток Янь Хуйфэн вернулся домой лишь под утро и сразу после завтрака отправился в школу. Цзян Силян, не сомкнувшая глаз за всю ночь, уехала отдыхать только на рассвете.

Визит дедушки и бабушки немного оживил унылую больничную атмосферу. И хотя ни у Янь Ханя, ни у его младшей сестры не было ни малейшего аппетита, они послушно съели всё до крошки, лишь бы не расстраивать стариков.

В девять двадцать утра у главного входа в госпиталь появилась молодая чета. Это были Чжан Жуйя и Цзян Чао.

Ещё полгода назад девушка носила иной статус — она была официальной невестой Янь Ханя.

Они встречались четыре года, и их связывали по-настоящему глубокие и нежные чувства.

Семьи Чжан и Янь принадлежали к высшей столичной знати и долгие десятилетия оставались верными союзниками, так что этот союз сочетал в себе и искреннюю любовь, и выгодный политический расчёт.

Но стоило Янь Ханю искалечить ноги, как Чжан Жуйя тут же пошла на попятную. Старейшина Чжан лично возглавил визит в резиденцию Янь, чтобы расторгнуть помолвку. Обсудив всё с сыном и внуком, старик Янь дал согласие на разрыв отношений. Спустя всего два месяца Жуйя поспешно вышла замуж за подполковника Цзян Чао.

Семья Цзян тоже входила в элиту Столицы, однако его отношения с семьёй Янь всегда оставались натянутыми, перерастая в откровенное соперничество.

Цзян Чао был ровесником Янь Ханя, но из-за того, что в его семье дети рождались раньше, у него имелся старший брат, превосходивший их по возрасту на шесть лет. Цзян Минсян уже занимал пост вице-мэра крупного города и считался главным преемником и надеждой своего рода.

В своё время оба молодых человека отчаянно соперничали за благосклонность Чжан Жуйя, и выбор девушки в пользу Янь Ханя нанёс по самолюбию Цзян Чао болезненный удар. Масла в огонь подливала и военная карьера: не случись той трагедии, Янь Хань в этом году примерил бы генеральские погоны, тогда как Цзян Чао до сих пор прозябал в звании подполковника. Естественно, зависть и злоба разъедали его изнутри.

Катастрофа, постигшая молодого генерала, стала для семьи Янь началом упадка. Ослабевшую семью начали теснить с Олимпа столичной элиты. Семья Цзян вместе с другими влиятельными домами не упустила шанса нанести удар исподтишка, лишив союзников Янь ключевых постов.

Последние месяцы Цзян Чао буквально сиял от самодовольства: он заполучил желанную красавицу и праздновал победу над поверженным соперником. Сегодняшний визит в госпиталь был частью холодного расчёта. Ему требовалось лично убедиться, что ноги Янь Ханя обречены и дело идёт к ампутации. А заодно — всласть поглумиться над калекой и прощупать, насколько низко готов прогнуться некогда могущественная семья.